

Культура. - 1995. - 9 дек. - С. 5.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕГЕНДОЙ

Сергей НИКОЛАЕВ

Неожиданно позвонил Пархоменко.

- Ты в Москве? Зайдешь?

- Да. Скоро буду.

Я не умею утешать людей, у которых случилось несчастье. Это особый дар, и господь не наделил им меня. Я знал, что за время, прошедшее после нашей предыдущей встречи, Пархоменко похоронил сына, убитого на улице. И когда он вошел ко мне, я все никак не мог начать разговор, стараясь найти слова, способные выразить искреннее сочувствие.

Но начал он сам. И не с того.

- Ты знаешь, "Ники" больше нет.

- Как нет?

- Нет. Вообще нет.

Я оторопело смотрю на святившийся экран телевизора, который забыл выключить. И вижу совсем другое.

Зимний дождь, каша под ногами, хлюпающие внутри ботинки и мокрая замухрышка на голове, еще недавно бывшая вполне пристойным кроликом. То-то радость. А еще и город такой, комсомольский, ударный, с размахом четвертьвековой давности. Пока пройдешь от одной девятиэтажки с одинаково унылым общажным светом в окнах до другой такой же, успеешь проклясть и зодчих, наверняка отхвативших какую-нибудь премию за проект, и транспортников, и эту дурацкую страну, где даже погода, не как у людей.

Впрочем, цель оправдывает средства. И вот я на мягком диване. Тепло, уютно. На вешалке в углу бесформенная мокрая масса постепенно принимает вид куртки. Стакан горячего чая обжигает пальцы. Люди вокруг кажутся умными и чистосердечными. И город их уже не представляется столь беспросветным. Разве могут такие хорошие люди жить в плохом месте?..

Приятно осознавать, что до тебя на этом самом диване год назад, два, пять, пятнадцать лет сидели люди замечательные, известные. Что так же на огонек заходили сода актеры и режиссеры, писатели и певцы, узнаваемые каждым встречным. И, согрившись, уже можно вникнуть в суть спора, который, судя по возбужденным интонациям, начался давно и кончится не скоро.

- Пархом, время "Ники" прошло.

Как же прошло? Когда вот она, "Ника", с кабинетом художественного руководителя, с гостями, с теплым диваном и мною на диване. "Ника", знаменитый театр-студия в Набережных Челнах, возникший почти одновременно с городом и ставший символом его роста, собиравший в себе все живое и яркое, служивший неизменным местом встречи здешних и заезжих талантов и их поклонников.

Конечно, "театр-студия" - не звучит. Репутацию словосочетания сильно подмочили студии-однодневки, созданные в неимоверных количествах пять лет назад и исчезнувшие без следа спустя год-два. Но не с них начиналось студийное движение и не ими кончилось. Ведь самые-то самые остались. А "Ника" - одно имя чего стоит! - здесь, в этом городе, и есть самая-пресамая. Но вот - "время прошло"...

А ведь когда-то было оно, ее время. И было время Николая Федоровича Пархоменко. Пархома, как зовут его друзья. Оно пришло, разумеется, не сразу.

Пархоменко учился в Москве. Был типичным "младшим шестидесятником". И, конечно, имел неосторожность читать "не те" книги. Более того, "не те" книги он давал читать другим. Не знаю, зарекался ли он по молодости от сумы и от тюрьмы,

"Ника". Последний полет

Семья "Ники". Студийцы лучших времен

но и того, и другого хлебнул сполна.

Он никогда не вспоминает о жизни в зоне. Да и о своей крошечной роли в шукшинской "Калине красной" говорить не любит. И не говорил никогда, пока однажды друзья после очередного телепоказа не приперли к стенке: "Слушай, Пархом, там в фильме зек поет Есенина "Ты жива ль еще моя старушка?", ведь это - ты, признайся, а?" Пархоменко признался. И теперь иногда, положив голову на ладонь характерным только для него движением, тихо напевает: "Я по-прежнему такой же нежный"...

И после зоны Пархоменко здорово помотало, прежде чем пробил его час. Он пробил тогда, когда газеты заполнились лозунгами о стройке века. Когда десятки тысяч молодых и не очень молодых людей устремились в неведомый город на Каме.

Сейчас, во времена прозрений и признаний, по вечерам в "Нике" часто возникает разговор о том, за чем же приехало в Набережные Челны его первое поколение. Многие - за кварти-

рами. Многие - бежали из тупиковых ситуаций прежних мест. Но все же большинство верили, что вместе с заводом и городом они построят новую жизнь с новым, молодым братством. Ранним утром и поздним вечером они месили сапогами грязь на дорогах от стройплощадки к домам, растущим, как грибы. Они читали Грина и Экзюпери, рожали детей.

Вместе с этими людьми в город приехал Николай Пархоменко. И у КамАЗа появился свой театр-студия.

В "Ник" потянулись романтики. Повкалывав на ветру и лютом морозе до темноты, отпустив порцию звучных матюгов в адрес нерадивых поставщиков, скинув обледенелые телогрейки, они приходили в театр и начинали говорить на языке великих драматургов.

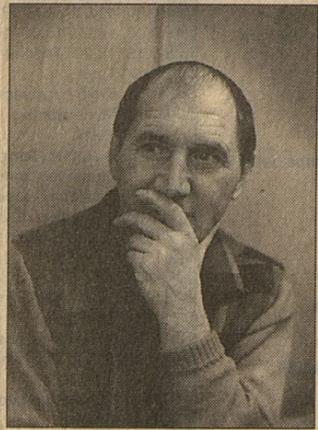
Почти сразу же "Ника" стала общепризнанным духовным центром Набережных Челнов. Сюда стекалась близкая по духу молодежь. Зрители валом валили на профессиональные по уровню и остроте не по времени спектакли. Заводское начальство непременно приводи-

ло своих гостей: было престижно иметь у себя под крылом лауреата всевозможных конкурсов и фестивалей и как бы между делом показывать столичным чиновникам увесистую подшивку газетных вырезок о нем. На посиделки к Пархомену стали приходиться гастролирующие в Челнах знаменитости.

У самого Пархоменко все складывалось на редкость удачно. Начальство благоволило, город знал, вольномыслие процлоло. Рядом была жена, хорошая писательница, тоже из породы первопроходцев-романтиков. Росли два сына-близнеца. Любили студийцы. Скольких он выдернул из обывательской трясины, из тускло освещенных подъездов.

Эпоха рыночных отношений свалилась на "Ник", как снежная лавина. Со сцены Пархоменко, подобно многим своим коллегам, вынужден был перебраться во всевозможные приемные, от своих актеров - в очереди просителей. Но просить у него получалось хуже, чем ставить спектакли.

Неприятности, как правило, являются не в одиночку, а в

сплоченной компании. Распалась семья. К экономическим сложностям прибавились и чисто творческие. Время романтиков прошло. Юные таланты шли не к нему на сцену, а к крутым мужикам в киоски. На театр свалился долгий-долгий ремонт. Новых спектаклей не стало.

К тому же - и это едва ли не самое главное - залихорадило КамАЗ. По тем же причинам, что и "Ник", Автогигант в муках расставался с легендой, сопутствовавшей его рождению. Каждое утро десятки проходных поглощали уже не восторженных строителей будущего, а усталых людей, думающих лишь о том, когда же наконец дадут зарплату трехмесячной давности. Когда у машины глохнет мотор, она ни за что не поедет. Разве что по инерции. Вслед за КамАЗом плохо стало Челнам. Опустели некогда переполненные детские сады. По улицам стали бродить хмурые мужчины, отправленные в неоплачиваемый отпуск. Почти остановилось жилищное строительство - главный манок города. Что же могло ждать в такой ситуации "Ник", плоть от плоти города и завода?...

- Пархом, время "Ники" прошло.

Так думала, видимо, и Е.Шустерман, недавно назначенная директором культурно-делового комплекса (КДК) КамАЗа. Трудности "Ники" она определила как признаки ее вымирания. Клубные традиции - как очаг пьянства и разврата. Она подписывает приказ о расформировании театра и упразднении должности его худрука. Пархоменко милостиво предлагается ставка педагога в колледже, который должен был занять помещение "Ники". Но он, конечно, отказывается, становится безработным и подает протест в суд.

И вот он сидит передо мной и говорит, что "Ники" больше нет.

Нет вместе с планами ее возрождения, вместе с замыслами новых спектаклей, работа над которыми уже началась. Нет вместе с восемьюдесятью ее студийцами.

...Недавно улицу Романтиков, на которой двадцать лет назад родилась новая театральная студия, переименовали в улицу Рубаненко.

Упразднив "Ник", Е.Шустерман захлопнула толстую папку с надписью "Легенда" и расчеркнулась: "Закрывать".

В один из последних ноябрьских дней должен был состояться суд над убийцами сына Н.Пархоменко. И суд по его иску к руководству КДК. Первое дело было отправлено на рассмотрение. Рассмотрение второго перенесено.

А на здании, где помещалась "Ника", на беззаконном торце девятиэтажки, появилась колоссальная надпись: "Театр "Ника". Кто из восьмидесяти нынешних или сотен прошлых ее студийцев умудрился забраться на такую высоту? Или вопреки всему, верная своему имени, оставила на панельной стене автограф крылатая богиня победы?..